

Отправляясь в Алжир, куда я прибыл 17 ноября [1909 года], я не преследовал никакой особой магической цели. Со мною был мой чела — Брат *Omnia Vincam*, Неофит А.:А.:, скрывавшийся под именем Виктора Нойбурга¹. Мы хотели всего лишь распробовать как следует новый и занимательный уголок планеты, на которой паразитировали от рождения. Наспех закупив кое-какой провизии, мы доехали на поезде до Арбы², перекусили и двинулись дальше на юг безо всякой определенной цели — только лишь ради того, чтобы наполнить легкие чистым воздухом и вновь испытать терпкое счастье ночей под открытым небом, когда лежишь на земле, глядя на безмятежные, безмолвные звезды, покуда Сон не склонит свой лик над тобою, смежив поцелуем очи и окутав весь небосвод густыми волнами своих священных волос. 21-го мы добрались до Омаля³, проведя две ночи именно так и еще одну — в какой-то убогой лачуге, изнуренной не иначе как теми сизифовыми трудами, на которые обрекали ее попытки выдавать себя за гостиницу.

Я понятия не имею, почему и как меня осенило. Возможно, потому, что у меня в рюкзаке завалился один из первых моих магических блокнотов, в который я когда-то с бесконечным терпением переписал все девятнадцать Ключей, или Зовов, полученных сэром Эдвардом Келли от неких ангелов и записанных под его диктовку астрологом королевы Елизаветы, с которым он в то время сотрудничал⁴. Шестую книгу их магических трудов перевел Казобон, и она остается одной из очень немногих подлинных и интересных работ по магии, сохранившихся за всю историю⁵. Многое в ней до сих пор не поддается объяснению, хотя мы с Братом *Semper Paratus*, Старшим Адептом А.:А.:⁶, посвятили немало времени и усилий ее изучению и смогли прояснить немало загадочных мест.

Факты, удостоверяющие подлинность этой работы таковы: было получено (по сей никто так и не понял до конца, каким именно образом)

¹ Виктор Бенджамин *Нойбург* (1883—1940), британский поэт, ученик и близкий друг Кроули. Впоследствии он достиг степени Ревнителя (2°=9°) А.:А.: и VI° О.Т.О. В 1912—1913 был соредактором журнала «Эквинокс»; из его поэтических работ более всего известен сборник «Триумф Пана» (1910). *Omnia Vincam* (лат. «Я преодолею всё»), девиза Нойбурга на степени Неофита А.:А.: (1°=10°).

² *Арба* — селение в 25 км к югу от столицы Алжира.

³ *Омаль* (ныне Сур-эль-Гозлан) — селение на севере Алжира.

⁴ Имеется в виду Джон Ди (1527—1608), который был не только астрологом королевы Елизаветы I но и чрезвычайно разносторонним ученым и знатоком оккультных наук. *Эдвард Келли* (1555—1597), духовидец и медиум, сотрудничал с ним на протяжении семи лет, с 1582 по 1589 годы.

⁵ «Шестую книгу...»: имеется в виду «*Liber Loagaeth*» («Книга Божественной Речи»), последовавшая за пятью «Книгами мистических опытов»; Ди называет ее «книгой шестой и священной».

Мерик *Казобон* (1599—1671) — франко-английский ученый, филолог-классик, сын известного швейцарского филолога Исаака де Казобона, автор книги «Правдивый и честный рассказ о том, что происходило на протяжении многих лет между доктором Джоном Ди и некими духами» (Лондон, 1659).

⁶ *Semper Paratus* (лат. «Всегда готов») — девиз Джеймса Томаса Уиндрема (1877—1939) в ордене А.:А.:. Уиндрем состоял также в О.Т.О. под именем «Меркурий», достиг X° и возглавил Южно-Африканское отделение этого Ордена. Он глубоко изучал енохианскую магию и одно время намеревался помочь Кроули в работе над «*Liber 84 vel Chanokh*», но эти планы так и не осуществились.

более сотни таблиц, заполненных буквами. Ди выбирал одну или несколько из этих таблиц (в большинстве своем — квадратов размерами 49 x 49 клеток) и клал перед собой на письменный стол. Келли садился перед так называемым Священным Столом и начинал вглядываться в магический кристалл, который ныне, наряду с некоторыми другими талисманами, лежавшими на том столе, можно увидеть в Британском музее. В этом кристалле взору Келли представал ангел, указывающий жезлом на те или иные буквы в этих таблицах. Келли сообщал, к примеру: «Он указывает на 6-й столбец, 31-ю строку», — и так далее, не называя, собственно, букв; а Ди находил и выписывал из таблицы указанную букву. Из этого, по-видимому, явствует, что Келли не знал, какие именно слова получатся в итоге. Если предположить обратное, то пришлось бы допустить, что он держал в голове местоположение каждой из 2401 буквы в каждой таблице, а подобный подвиг не может не вызвать некоторого удивления. Когда ангел завершал свое послание, выписанные буквы переписывали в обратной последовательности. (Тексты Ключей диктовались задом наперед по той причине, что в прямой последовательности они были слишком опасны — каждое слово обладало таким могуществом, что при непосредственном произнесении могло немедленно вызвать силы, на тот момент нежелательные.)

В правильной последовательности букв эти Ключи представляют собой заклинания на языке, который Ди и Келли называли енохианским, или ангельским. Это не шифр, а именно язык со своей грамматикой и синтаксисом, причем гораздо более звучный, торжественный и впечатляющий, чем такие великие языки, как древнегреческий или санскрит. Переводы Ключей местами трудны для понимания, но содержат обороты, своей нетленной красотой не уступающие Шекспиру, Мильтону и Библии. Осуждать Келли как лживого шарлатана (а именно такова общепринятая точка зрения) попросту глупо. Если он сам выдумал енохианский язык и сочинил всю эту великолепную прозу, он был не просто равен Чаттертону, но превосходил его раз в пятьдесят как изобретатель и раз в пятьсот — как поэт⁷.

*Постигнут ли Крылья Ветров ваши дивные гласы? О вы,
Вторые из Первых, кого сотворило палящее пламя в глубинах
Глотки моей! Кого приготовил я, словно чаши для брачного пира
или цветы во всей красоте их для Чертога Праведности! Крепче
бесплодного камня ваша стопа, сильнее многих ветров голоса
ваши! Ибо сделались вы как зданье, подобного коему нет, кроме
как в замыслах Всемогущего!*
— Второй Ключ

⁷ Томас Чаттертон (1752—1770) — английский поэт, который покончил с собой в возрасте семнадцати лет и творчеством которого вдохновлялись многие позднейшие поэты-романтики, считая его непризнанным гением.

Я предпочитаю судить о Келли по этим строкам, нежели по сплетням не первой свежести, распространяемым людьми, для которых любой маг, каков бы ни был, воняет серой. Но если строки эти принадлежат не Келли, то, разумеется, он запросто мог быть обыкновенным невежественным мерзавцем, наделенным, однако, способностью видеть и слышать возвышенное, подобно тому как обычный разбойник или бизнесмен подчас могут описать собор Святого Павла лучше самого настоятеля.

Всего этих Ключей — девятнадцать; первые два служат для призывания пятого элемента — Духа; следующие шестнадцать призывают шестнадцать субстихий — подразделения каждой из четырех стихий; с помощью же девятнадцатого Ключа — заменяя по необходимости два фигурирующих в нем имени — можно призвать любой из так называемых тридцати «Эфиров», или «Воздухов». Что представляют собой эти Эфиры, сказать непросто. В одном месте нам сообщается, что их владения «простираются расширяющимися кругами вне и вокруг Сторожевых Башен Вселенной», каковые Башни образуют собою куб бесконечной величины. В другом источнике сказано, что владения эти подчиняются ангелам, имена которых заключены в самих Сторожевых Башнях, но при этом (какое прискорбное разочарование!) отождествляются с различными земными странами и областями — Штирией, Иллирией и т.д., как если бы «воздух» означал попросту «климат». Лично я всегда придерживался первого определения. Я подозреваю, что доктор Ди со своим благочестием, педантством, легковёрностью, респектабельностью и недостатком чувства юмора временами выводил Келли из себя, и тот начинал нести чушь, просто чтобы потешиться над стариком.

О подлинности этих Ключей (независимо от каких бы то ни было теоретических соображений) свидетельствует тот факт, что они действительно работают в руках любого человека, наделенного хотя бы мало-мальскими способностями к магии. Докажите, что «Ченчи» — подделка, сочиненная Хоггом, и заключите, что Хогг — негодяй; пожалуйста, сколько угодно! Но вы не вправе сделать из этого вывод, что Хогг — не поэт, а «Ченчи» — бессмысленная пачкотня⁸. Я пользовался этими Ключами неоднократно — и с неизменно превосходными результатами. Когда я путешествовал по Мексике, мне пришло в голову исследовать истинную природу самих Эфиров, призывая их один за другим при помощи девятнадцатого Ключа, созерцая их Духовным Зрением и осмысляя затем увиденное и услышанное. Первые два Эфира я исследовал 14 и 17 ноября 1900 года. «Видения» и «голоса», открывшиеся мне, были поистине великолепны и загадочны. Картины, которые предстали моему внутреннему взору, не вовсе выходили за рамки моего предшествующего

⁸ «Ченчи» (1819) — трагедия, автором которой, по общепринятому мнению, был Перси Биши Шелли (1792—1822). Томас Джефферсон Хогг (1792—1862) — друг и биограф Шелли, вместе с ним исключенный из Оксфордского университета за сочинение и распространение брошюры «Необходимость атеизма». Стилистические расхождения между «Ченчи» и остальным творчеством Шелли побуждали некоторых исследователей предполагать, что подлинным автором этой трагедии был Хогг.

духовного опыта, однако понять услышанное на тот момент мне было не легче, чем баптисту — уловить смысл творений Уильяма Блейка. Я осознавал, что добился ценных результатов, и намеревался продолжать эксперименты, но обнаружил, что проще броситься со скалы, чем перейти к двадцать восьмому Эфиру. Я смирился с поражением; но, выкинув из головы эту затею, ухитрился сохранить и пронести через все мои скитания записи об удавшихся начальных опытах. Почти девять лет я не вспоминал об этой работе, но в Омале мое сердце словно пронзила молнией некая длань, и я понял, что должен немедленно, сей же день, вернуться к «Видению и Голосу» и продолжить с того же места, на котором остановился.

Соответственно, мы накупили чистых блокнотов, и после обеда я призвал двадцать восьмой Эфир с помощью все того же девятнадцатого Ключа. Сравнив затем полученное описание с отчетами о двадцать девятом и тридцатом Эфирах, мы увидели, что особенности образного ряда и стиля совпадают. Сохранились они и в описании двадцать седьмого и всех последующих Эфиров вплоть до двадцать четвертого, однако эти новые видения оказались более связными и согласованными — как в пределах одного Эфира, так и по отношению друг к другу. Содержание отчетов поражало не только своей величавой торжественностью, но и близостью к тем представлениям о Вселенной, о мистических Законах Природы и о трансцендентальной Истине, которые отражены в «Книге Закона» и в наиболее возвышенных из тех трансовых состояний, которые мне удалось испытать ранее.

Полагаю, дело вовсе не в том, что моя индивидуальность влияла на характер видений все сильнее по мере того как я, так сказать, набирал обороты, ибо уже в Мексике я получил ряд загадочных пророчеств, в суть которых проник лишь после того, как истолковал свою Алжирскую Работу. Более того, прояснилась причина, по которой мне пришлось прервать эксперименты в 1900 году: на тот момент я попросту еще не достиг степени посвящения, которая позволяет продвинуться дальше двадцать девятого Эфира. Фактически, мне было прямо сказано, что дальше определенного рубежа может пройти только Мастер Храма. Разумеется, призвать с помощью Ключа любой Эфир по своему выбору может кто угодно, однако он либо не получит никаких видений вообще, либо навлечет на себя иллюзии, причем, по всей вероятности, смертельно опасные.

Как говорит об этом оракул, «...лишь от того человека Бог отвращается часто, на новых путях покидая, кто к умозреньям божественным всходит, не зная порядка»; и добавляет: «не освятив своих уст и ног не омыв». Ибо у тех, кто столь небрежен, все достижения несовершенны, все побужденья напрасны, и все пути перед ними темны.

— Зороастр⁹

⁹ «Халдейские оракулы», §183.

Я считаю своим долгом торжественно предостеречь человечество, что самонадеянное и опрометчивое безрассудство столь же далеко от подлинной храбрости, этой первейшей добродетели мага, сколь карикатура на бывшего кайзера — от Юлия Цезаря. Оно состоит наполовину из ложной гордости, порожденной себялюбием и неуверенностью в себе, а наполовину — из безумства, на которое обычно толкает человека страх, доведенный до крайней степени. Среди кавалеров Креста Виктории¹⁰ немало таких, кто носит этот орден отнюдь не «за героизм», а всего лишь за недостаток самообладания в минуту испуга. Военная дисциплина автоматически исключает возможность бежать с поля боя, поэтому единственное, что им остается, — это бежать вперед и делать то, что подскажет инстинкт. Я лично знаю двух человек, никакими силами не способных припомнить подвиг, принесший им эту награду.

Схожий психологический механизм зачастую работает у молодых магов, забывающих, что для того чтобы *дерзать*, необходимо *желать* и *знать*, подчиняя и то, и другое, и третье закону *молчания*¹¹. Последнее может пониматься по-разному, но прежде всего оно означает самообладание, развитое до такой степени, чтобы любое действие совершалось беспрепятственно и без лишнего шума: любая помеха — свидетельство неловкости или неумелости. Солдату, который тащит в укрытие своего раненого товарища под огневой завесой, может повезти и он останется цел, но в магии везения не бывает. Мы работаем, образно выражаясь, в жидкой среде, где каждое действие компенсируется мгновенно. Последствиями своих мыслей, слов или поступков человек может прекратить, отклонить или отсрочить воздействие света, звука или электричества, но магия, подобно силе тяготения, не знает преград. Можно, конечно, поднять упавший цветок с пола и положить на стол; но сила тяготения будет воздействовать на него по-прежнему, и это влияние полностью скомпенсировано распределением нагрузок на все материальные объекты во всей вселенной. Как только мои мышцы переходят из одного состояния равновесия в другое, как только цветок начинает давить на столешницу, а не на ковер, тотчас же в соответствии с этими изменениями смещается центр тяжести всего мироздания.

Таким образом, самонадеянность в магии всегда наказуема — мгновенно и справедливо. Это одно из тягчайших преступлений, ибо оно притягивает те силы, которые, будучи сами по себе слабыми, озлобляются от боли и единственное утешение для себя находят в насилии над всяким, кто кажется им еще слабее. И что еще хуже, это истерическое разрастание Эго есть глубочайшее заблуждение против Истины. Тот, кто подвергся ему,

¹⁰ *Крест Виктории* — высший военный орден Великобритании, который вручается за героизм, проявленный в боевой обстановке.

¹¹ Отсылка к знаменитому утверждению из «Учения и ритуала высшей магии» Элифаса Леви: «ЗНАТЬ, ЖЕЛАТЬ, ДЕРЗАТЬ, ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ — таковы четыре слова Мага, начертанные на четырех символических формах Сфинкса».

превращается в лакомый кусок для каждого духа лжи. Он становится одержимым; демоны, завладевшие им, раздувают гордыню этого глупца еще пуще прежнего; они тешат лестью всякую его слабость и толкают его на самые смехотворные поступки, заставляют его нести самый вздорный бред и беспрестанно внушают ему, что он — величайший человек на свете (да что там человек — бог!). Каждый свой провал он принимает за оглушительный успех, каждую мелочь — за свидетельство своего священного и незыблемого всевластия или за признак злопыхательства адских сил, ополчившихся на него, дабы превратить в мученика. Мания величия бросает его из крайности в крайность, от маниакальной восторженности к меланхолии, омраченной бредом преследования.

Мне довелось наблюдать несколько случаев подобного рода, вызванных такими пустяковыми, на первый взгляд, оплошностями, как небрежность в освящении Круга, предназначенного для вызывания низшего духа; или притязания на одну из степеней Ордена, не подкрепленные всеми необходимыми испытаниями; или попытки человека, еще не ставшего Неофитом, наставлять Послушника в его работе; или исключение из ритуала некоторых важных пунктов, показавшихся хлопотными формальностями; или даже такая, казалось бы, мелочь, как оправдания за допущенную ошибку, в результате которых человек убедил сам себя, что ошибся не по невежеству, а, напротив, вследствие своих необычайных достоинств.

Припоминаю одного человека, который утверждал, что не может сидеть в асане по причине избытка физической энергии. Тело его, говорил он, одарено такой исключительной силой, что ему просто необходимо все время двигаться; для обычных людей нет ничего из ряда вон выходящего в том, чтобы сидеть неподвижно, но для него это просто неестественно. Пять лет спустя он заявил мне, что стал самым сильным человеком на свете, и предложил убедиться в этом — разрядить ему в грудь мой револьвер, если я не боюсь, что пули срикошетят и побьют окна. Я решил пощадить окна; к тому же, я терпеть не могу чистить револьвер. Тогда он предложил выйти на улицу и посмотреть, как он поднимет на плечо автомобиль и будет с ним бегать. Я сказал ему, что и так знаю, что он может это сделать, и не хочу оскорблять его требованиями доказательств. Он удалился, приплясывая и мурлыча от удовольствия. На следующий день я получил от него открытку и по неровному почерку начал догадываться, в чем дело. Это сквозило во всем его разговоре. Через месяц я узнал, что врачи поставили ему диагноз — прогрессивный паралич. Человек, некогда выделявшийся из толпы великолепием своей физической мощи, теперь не мог пошевелить ни единым мускулом по собственной воле, а только ритмично раскачивался из стороны в сторону. Человек, так красноречиво похвалявшийся своими достоинствами, теперь не мог по собственной воле произнести ни слова: все, на что он был способен, — выть на одной ноте час за часом.

Именно такие случаи помогали мне постоянно помнить о том, что нельзя быть «слишком гордым, чтобы воевать»¹², — или чтобы мести пол, если в том возникнет нужда. Моя степень Мага А.:А.:, мое служение в качестве логоса Эона, Пророка, избранного провозгласить Закон, который предопределит судьбы нашей планеты на целую эпоху, в определенном смысле делает меня исключительным, относит меня к категории, в которую за всю историю человечества до сих пор входили только семь имен¹³. Никакими личными заслугами невозможно было бы добиться подобного. На свете, особенно в странах Азии, существует бесчисленное множество посвященных, покоровших все вершины великой гряды Духовных Достижений. Я непременно сошел бы с ума от радости, когда наивысшие мои устремления осуществились не только сполна, но и в избытке, превосходящем всякое воображение; и от этой печальной участи меня спасли, как я уже говорил, только «мое чувство юмора и мой здравый смысл».

Я не позволяю себе забывать ни на миг о тех скалах, которые оставили меня с носом, — о расселине Кулин на Бичи-Хэд (будь она проклята!), о прямом маршруте на вершину колонны Дип-Гилл (черт его подери!), о восточном склоне Дан-Бланш (разрази его гром!)¹⁴. Даже собственными стихами я щекочу свое самолюбие очень редко — разве что когда сильно расстроен. Я предпочитаю размышлять о своем невежестве в разнообразных вопросах (список коих поистине бесконечен) и о поверхностности своих познаний в тех областях, о которых я вообще хоть что-то знаю. Я то и дело возвращаюсь мыслью к своим ошибкам в обращении с людьми, к своей наивности во всем, что касается самых очевидных человеческих качеств. Простодушие мое граничит со слабоумием; любой человек, едва способный читать и за всю жизнь не прочитавший ни единой достойной книги, всем своим существом куда лучше меня понимает те вещи, которые я годами тщился понять хотя бы отчасти, изучая их в поте лица, ценою зрения, пищеварения и сна.

Тем, кто знает меня хоть немного, я представляюсь каким-то исключительным гением, превосходящим всякое разумение своей образованностью, умом, прозорливостью и опытом во всех областях, кроме коммерции. Один из самых выдающихся авторов книг по естественным наукам и математике¹⁵ в прошлом году заявил мне, что в жизни не встречал

¹² Подразумеваются знаменитые слова американского президента Вудро Вильсона, сказанные по поводу нежелания США вступать в Первую Мировую войну: «Есть нации, слишком гордые, чтобы воевать».

¹³ В «Liber Aelph» (главы 68—75 и 120) перечислены семеро Магов (посвященных степени 9°=2° А.:А.:), предшествовавших Кроули: Лао-цзы, Будда Гаутама, Кришна, Дионис, Тахути (Тот), Моисей и Мухаммед. В 7-й главе «Книги Лжей» те же лица перечисляются в качестве Мастеров Храма (посвященных степени 8°=3°).

¹⁴ *Бичи-Хэд* — мыс на южном побережье Англии, сложенный из меловых скал; *колонна Дип-Гилл* — скальное образование в горах камбрийского Озерного края; *Дан-Бланш* — один из пиков Пеннинских Альп (Швейцария).

¹⁵ Имеется в виду друг и ученик Кроули Дж.У.Н. Салливан (1886—1937), математик, писавший популярные книги по естественным наукам и музыке.

таких храбрецов, как я. (При этом сам он в свое время состоял в группе из пятидесяти с лишним добровольцев, которые отправились в Сербию для борьбы с тифом и из которых выжило, включая его, только семеро.) Он сказал, что никто из его знакомых не сравнится со мной остротой ума и мощностью аналитических способностей. (При этом он был близко знаком с Эйнштейном и часами беседовал с ним о своих уравнениях.) Мне оставалось лишь скромно потупить глаза и заодно проверить, нет ли на мне желтых чулок и подвязок крест-накрест¹⁶.

Лично я считаю, что моя трусость достойна почетного места в музее, по крайней мере провинциальном. Если я и бываю храбр, то в основном от стыда за свою чувствительность и робость. Подчас я не могу заставить себя встретиться с самым обычным дельцом или торговцем по какому-нибудь совершенно заурядному вопросу. Я увиливал от любовных свиданий — и с теми, кого я страстно желал, и с теми, кого я ни в грош ни ставил: я боялся, что девушка унизит и оскорбит меня, или что сам я разочарую и оскорблю ее чувства своей неспособностью убедить ее в том, что я — идеал мужчины. Я уклонялся от восхождений на горы по таким маршрутам, которые мог бы пройти, даже если бы мне одну руку привязали за спину. Я отступал с заискивающей улыбкой и извинениями от жирного наглого шантажиста, которому запросто мог бы (и должен был) отвесить хук в челюсть. Я стоял голодным под дверью ресторана, опасаясь невесть чем вызвать насмешки у других посетителей. Короче говоря, я боюсь практически всего, что ежедневно походя проделывает самый застенчивый, пугливый и угодливый из всех рабов, что когда-либо позволяли заковать себя в шютрук, крахмальный воротничок и льняные манжеты, посадить на цепь в какой-нибудь унылой конторе и заставить корпеть изо дня в день над бухгалтерскими книгами, чтобы его изношенные останки в конце концов отправили, в лучшем случае, празднично догнивать в многоквартирном «особняке», а в худшем — отбывать остаток срока в работном доме.

С другой стороны: я, судя по всему, способен без малейших колебаний и страха совершать именно те поступки, которые даже храбрейшим, сильнейшим и самым свободным людям кажется невообразимо ужасными, — поступки, на которые они не осмелятся даже в своих мечтах, а если и осмелятся, то все равно сочтут страшнее смерти. Люди, которым доводилось покуривать сигару и вести светскую беседу под ураганным огнем противника, бледнели от ужаса, когда я случайно упоминал о какой-нибудь подобной выходке, которая мне между тем казалась совершенно естественным и нормальным делом, вроде как сесть за стол и пообедать. Убедившись, что я не шучу, они недоверчиво бормотали, что подобная храбрость просто немыслима. Одни делали вид, что потрясены до глубины души, другие с тех пор начинали смотреть на меня как на чудную помесь божества и маньяка. Я никогда не боялся говорить правду; я никогда не

¹⁶ Аллюзия на нелепое одяние Мальволио (персонажа комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь»), в котором он предстал, подавшись грубой лести шутников и приняв ее за чистую монету (акт II, сцена 5).

боялся встать лицом к лицу с действительно опасным противником; я никогда не боялся поступать в полном соответствии со своими убеждениями и действовать абсолютно искренне в любых обстоятельствах; я никогда не боялся — без малейших колебаний! — ставить свою жизнь на кон, когда дело касалось гор, океанов и речных стремнин, диких зверей или кровожадных людей и так далее.

Вполне возможно, что от рождения я был трусом во всех отношениях, а затем, когда решил научиться не поджимать хвост почем зря, стал уделять внимание лишь тем ситуациям, которые считал самыми серьезными. Поставить диагноз будет гораздо проще, если мы учтем, что мне страшно обратиться к дружелюбному издателю с предложением, которое он почти наверняка примет (к нашей обоюдной выгоде), но не страшно ввалиться прямо в логово кредитора и заявить, что у меня нет денег, или наведаться в Скотленд-ярд после предупреждения, что там выписан ордер на мой арест. Казалось бы, во всех этих случаях задача сводится к разговору. Но почему в одном случае разговор меня пугает, а в другом — нет? Либо я прав в своем предположении, которое высказал выше, либо же все дело в том, что врагов я не боюсь, ибо знаю, что они не могут повредить мне, но при мысли о встрече с другом мужество меня покидает, ибо любовь — моя ахиллесова пята. Что, если друзья обойдутся со мной несправедливо или не по-доброму, или сам я каким-то образом не смогу удержать их уважение и приязнь? Какой ужас! Это мое уязвимое место, в которое меня способна поразить до глубины души даже игрушечная стрела, пущенная безо всякой задней мысли каким-нибудь беззаботным ребенком.

По большому счету, эта книга¹⁷ должна была бы послужить примером того, как надлежит живописать те или иные стороны повседневной жизни. Но все, что мне до сих пор удалось, — это убедиться, что она совершенно непригодна для подобной цели. Таким образом, особой угрозы для моей скромности она не представляет.

Этот длинный экскурс я позволил себе потому, что он имеет некоторое отношение к моему алжирскому посвящению. Теперь можно продолжить рассказ. Откровения, описанные в «Видении и Голосе», я получал следующим образом. У меня был при себе большой золотистый топаз, вставленный в деревянную и окрашенную киноварью оправу в форме Креста Распятия из шести квадратов. На самом камне был выгравирован Греческий Крест из пяти квадратов с 49-лепестковой Розой в центре. Во время работы я, как правило, держал его в руке. Выбрав место, в котором меня не побеспокоят, я брал этот камень и декламировал енохианский Ключ. Затем, удостоверившись, что призванные силы откликнулись на мой зов, я отводил топазу примерно такую же роль, какую в «Алисе» исполняло зеркало¹⁸.

От путешествий в интересующие меня места в астральном теле я к тому времени давно уже отказался. Я осознал, что Пространство — не

¹⁷ Т.е., «Исповедь Алистера Кроули».

¹⁸ Имеется в виду сказка Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье», героиня которой проходит сквозь зеркало в волшебный мир.

объективная реальность, а всего лишь одна из множества удобных категорий, помогающих нам проводить различия между предметами. Когда я говорю, что посетил тот или иной Эфир, я имею в виду всего лишь, что я побывал в некоем состоянии, характерном для этого Эфира и свойственном только ему. В этом состоянии я воспринимал тонкие впечатления от соответствующего Эфира своими органами чувств, натренированными на подобное восприятие, и в результате знакомился с явлениями, типичными для этих миров, точно так же, как обычные люди знакомятся с явлениями мира физического. Я описывал вслух все, что видел, и повторял все, что слышал, а Брат О.У., записывал мои слова, а порой отмечал и те сопутствующие явления, которые казались ему необычными. (Например, иногда я погружался в глубокий транс, так что между двумя последовательными фразами могло пройти довольно много времени.)

Критик может с презрением отвергнуть наблюдения такого рода, объявив их игрой фантазии; но поскольку я уже показал, что любые знания в равной мере иллюзорны, это соображение меня не смущает. Однако степени ложности бывают различными, так что критические методы здесь вполне применимы — в рамках их возможностей. Так, мы полагаемся на опытные знания о принципах перспективы, чтобы исправить ошибку нашего несовершенного зрения, утверждающего, будто самый далекий дом на улице какого-нибудь городка уступает размерами ближайшему зданию. Схожим образом и видения можно проверять различными способами. Они должны быть связными и внутренне согласованными; они не должны противоречить выводам из других опытов, заслуживающих равного доверия; и прежде, чем признать за ними какую-либо ценность, мы должны удостовериться, что они дополнили наши познания таким же образом, как в обыденной жизни наши познания пополняет собеседник, не тождественный нам и предоставляющий нам информацию, которую мы со всей определенностью не могли бы получить из другого источника. Эти условия могут показаться невыполнимыми, но на деле удовлетворить их довольно легко; и достоверность рассматриваемых здесь видений подкреплена многочисленными внутренними свидетельствами.

Вот один пример. Ангел двадцать седьмого Эфира сказал: «Слово Эона — МАКНАШАНАН». Я тотчас утратил к нему доверие, поскольку твердо знал, что на самом деле слово Эона — АВРАНАДАБРА. Но затем, обратившись за помощью к священной каббале, я увидел, что два эти слова имеют одно и то же числовое значение — 418. И таким образом эта мнимая ошибка оказалась непрекаемым доказательством того, что ангел заслуживал полного доверия. И, напротив, если бы он прямо сказал, что слово Эона — АВРАНАДАБРА, я имел бы полное право не придавать его речам никакого значения, заявив, что я сам невольно вложил в его уста правильный ответ.

Силу подобных доказательств можно проиллюстрировать с помощью аналогии из обыденной жизни. Предположим, я получаю телеграмму за подписью Джобсона (моего адвоката): «Ваш дом сгорел». Если на тот

момент я уже знаю об этом от человека, которого я оставил присматривать за домом, то телеграмма всего лишь подтверждает факт, который может быть известен не только Джобсону, но и многим другим людям. Таким образом, у меня нет оснований для уверенности в том, что телеграмму отправил именно Джобсон. Далее, если на тот момент я еще не слышал о пожаре от других лиц или, наоборот, слышал от других лиц, что никакого пожара не было, то телеграмма опять-таки ничего не доказывает; она всего лишь дает достаточные основания для начала расследования — и не более того. Если в результате расследования известие подтвердится, то возникнет достаточно высокая вероятность, что ее действительно отправил Джобсон; и все же полной уверенности в этом не возникнет до тех пор, пока я, по крайней мере, не встречу с ним лично.

Но теперь предположим, что мне приходит телеграмма следующего содержания: «Лондон сгорел. Джобсон». Само по себе это утверждение неправдоподобно. Однако у нас с Джобсоном есть секретный уговор, о котором знаем только мы двое и по которому любое имя собственное в нашей переписке означает нечто иное. Чтобы понять, что именно за ним скрывается, нужно подставить числа на место букв (например, $a = 1$, $b = 2$ и так далее). Получится некое число, которое служит зашифрованным обозначением того или иного принадлежащего мне имущества. До сих пор Джобсон ни разу не употреблял слово «Лондон». Я перевожу его в число, сверяюсь с шифром и выясняю, что слово «Лондон» означает мой дом. И теперь, совершенно независимо от того, дошло ли до меня это известие раньше, и даже от того, подтвердится ли оно в конечном счете или нет, я могу не сомневаться по меньшей мере в том, что телеграмму отправил именно Джобсон, а не кто-то еще. Если же вдобавок известие окажется верным, то я буду точно знать, что по этому вопросу он осведомлен лучше, чем я. Допустим далее, что в той же телеграмме сообщается еще ряд других сведений, проверить которые непосредственно у меня нет возможности. Однако все вышесказанное дает мне достаточные основания признать их достоверными и последовать советам Джобсона — в меру своей уверенности в том, насколько он компетентен и честен.

Таков один из простейших способов критического анализа, которому надлежит подвергать информацию, полученную посредством видений. При этом любой отдельно взятый случай еще не дает полной уверенности; на основании одной-единственной, пусть даже самой впечатляющей, проверки нелепо было бы утверждать, что все сообщения, исходящие из одного и того же источника, заслуживают внимания и доверия. Уверенность рождается лишь из совокупности множества успешных проверок, проводившихся на протяжении многих лет. При этом с опытом мы развиваем интуитивное чутье на достоверность всякого воспринятого образа или звука, — в точности так же, как в обыденной жизни можно научиться распознавать стиль того или иного писателя или художника настолько точно, что даже самая правдоподобная имитация нас не обманет, хотя объяснить словами, что именно вызвало подозрения, будет непросто.

Что касается «Книги Закона», то ее достоверность подкрепляется, с одной стороны, теснейшим образом взаимосвязанными внутренними свидетельствами самого разного рода, включая каббалистические и математические доказательства, а с другой — содержащимися в ней точными предсказаниями будущих событий и тому подобными фактами, предвидеть или сфабриковать которые определено выше человеческих сил. Видения тридцати Эфиров стоят на втором месте после «Книге Закона», хотя и далеко уступают ей по значимости, а потому Владыки этих видений постарались наполнить их в более чем достаточном количестве внутренними свидетельствами того, что откровения, содержащиеся в них, могут считаться достоверными. Споры нет, что для меня эти свидетельства более надежны, чем для кого-либо другого: ведь точно знать, что именно со мной происходило, могу лишь я один; и, кроме того, многие указания относятся к моим личным делам, так что лишь я один могу в полной мере оценить их уместность и точность. Точно так же человек, глубоко ощущающий величие Шелли, не смог бы передать в полной мере это ощущение другому, потому что отчасти оно определяется тайной и невыразимой гармонией между индивидуальными особенностями его личности и творчеством этого поэта.

Я признаю, что для других людей мои видения никогда не будут значить столько же, сколько для меня самого. И я об этом не жалею. Все, чего я хочу, — это чтобы полученные мною результаты послужили другим искателям Истины убедительным свидетельством того, что цель, к которой они стремятся, стоит усилий и что ее можно достичь методами, более или менее схожими с тем, которым пользовался я. Я не желаю пасти стадо, не желаю превратиться в фетиш для дураков и фанатиков или основать религию, последователи которой будут довольствоваться повторением моих мнений. Я хочу, чтобы каждый человек сам прорубил себе путь через джунгли.

Уверенно продвигаясь в направлении Бу-Саады¹⁹, мы призывали Эфиры один за другим — в удобное время, в удобном месте или когда на нас снисходило вдохновение. Как правило, мы исследовали по одному Эфиру в день. 30 ноября мы добрались до Бу-Саады, а 8 декабря снова пустились в путь через пустыню в сторону Бискры²⁰. Прибыв туда 16 декабря, 19-го мы завершили работу²¹. О наших приключениях в пути рассказ пойдет позже.

Добравшись до Бу-Саады и до двадцатого Эфира, я начал понимать, что эти видения, если можно так выразиться, космополитичны. Все магические системы и учения свелись в них в единое гармоничное целое. Символика азиатских культов; идеи каббалы, как иудейской, так и греческой; тайны гностиков; языческие божества, от Митры до Марса; мистерии Древнего Египта и Элевсина; скандинавские саги; ритуалы кельтских

¹⁹ *Бу-Саада* — оазис и город в Северном Алжире.

²⁰ *Бискра* — оазис и город в Северном Алжире, восточнее Бу-Саады.

²¹ Неточность, объясняющаяся ошибочной датой в записной книжке. В действительности работа с первым Эфиром (т.е. последним в ряду) завершилась не ранее 21 декабря (так как второй Эфир Кроули исследовал 20 числа этого месяца).

друидов; мексиканские и полинезийские традиции; мистицизм Молиноса²² и суфиев — все эти элементы неожиданно встали на подходящие им места, не подавая и намека на разногласия. Коротко говоря, передо мной развернулась во всех подробностях картина всего минувшего Эона, и каждая частица этой картины смиренно признала господство Хора — Венценосного и Победоносного Ребенка, Владыки Нового Эона, провозглашенного в «Книге Закона».

Таким образом, в этих видения воплотилось в драматической форме то теоретическое умозаключение, к которому в свое время подвели меня исследования в области сравнительного религиоведения. Вся сложность этого необъятного предмета разрешилась сияющей простотой. Я собственными глазами увидел и собственными ушами услышал Истину о том, как устроено Время. Я понял без объяснений, что формула Осириса, применявшаяся к различным народам, странам и прочим частным обстоятельствам, неизбежно принимала разнообразные формы, на первый взгляд несовместимые друг с другом. И еще я увидел, что Хор может примирить между собой все религии, так как теперь, под его властью, появилась возможность привести все народы к взаимному согласию на основе нескольких фундаментальных принципов. Наука уже практически загнала суеверия во тьму. Вера превратилась в пустую формальность, более не способную повлиять на мнения и поступки людей. И вот я увидел, как совместить несколько неоспоримых научных принципов в едином Законе, при помощи которого высочайшие устремления смогут обрести удовлетворение в духовных сферах, религиозные инстинкты — найти воплощение в ритуале, а научная мысль — постичь, что даже самая материалистическая картина мира в конечном счете мистична, ибо, предполагая, что разум — всего лишь продукт материи, мы вынуждены признать, что и материя с равным успехом может быть описана как плод деятельности разума. О том, насколько я преуспел в этом грандиозном начинании, я поведаю позже.

Помимо этого, я начал исподволь осознавать, что моя работа с Эфирами — не просто безличное исследование, каковое я намеревался провести изначально, а нечто большее. Как будто некий перст касался моего сердца; некий дух нашептывал мне слова на незнакомом языке, ужасном и в то же время чарующем все мое существо, объемлющем меня всего с могучей силой и непостижимым образом подчиняющем себе мою волю. Во мне пробудился не то чтобы страх, но тайный трепет невесты пред лицом жениха. С каждым новым видением я чувствовал, как возрастает мой пыл, и с каждым днем видения становились все напряженней и затрагивали меня все глубже. Я укреплял себя магическими практиками. Два или три раза я столкнулся с препятствиями при попытке проникнуть в очередной Эфир; как я понял, то были преграды, призванные не пропустить непосвященного.

²² Мигель де Молинос (1640—1697; по др. данным 1628 — 1696) — испанский священник и мистик, ведущий проповедник квиетизма, учения, проповедующего мистически-созерцательное отношение к миру и спокойствие души.

Наблюдая, как видения становятся все более торжественными и величавыми, я трепетал при мысли о том, что окажусь недостойным узреть еще более великие тайны, ожидавшие в будущем.

И вот я решил освятить себя, повторяя на ходу эту суру Корана —

*Кул: Хув-Аллаху ахад; Аллаху самад; лам ялид ва лам юлад;
ва лам якун лаху куфуван ахад²³, —*

по тысяче и одному разу каждый день и простираясь ниц после каждого повторения. Выполнять это упражнение, вышагивая милю за милей под палящим солнцем, через пыльные, каменистые, раскаленные просторы бесплодной пустыни, было чрезвычайно тяжело; но физическая усталость и муки моего мятежного ума, в который я вбивал покорность бичом этой мантры, подготовили меня к призыванию следующего Эфира. Теперь духовной части моей сущности не могли помешать ни физическая оболочка, утомленная до изнеможения, ни болтливый разум, который я принудил бессловесно подчиняться долгу.

И в девятнадцатом Эфире мне явился ангел, объявивший, что ему предназначено лично провести меня через посвящение. На тот момент я почти ничего не понял. Мне бы и в голову не пришло, что мое личное продвижение по пути посвящений может каким-то образом оказаться связанным с такими явлениями, которые я все еще считал чисто объективными; но, так или иначе, ангел восемнадцатого Эфира совершил надо мной церемониальные приуготовления к предстоящему ритуалу. В семнадцатом мне в полной мере открылся магический смысл равновесия. «Движение вокруг точки — зло», «Дыхание — зло» и «Вращение — зло». Я понял, что любое возмущение среды (необходимая предпосылка проявления) означает отклонение от совершенства. Именно поэтому моя индивидуальность (то, что отличает меня от всех прочих живых существ) подразумевает несправедность. Поэтому для того, чтобы подняться выше Бездны — туда, где не может быть никакой несправедности, — необходимо уничтожить мое индивидуальное «я». В шестнадцатом Эфире мне было показано, как это сделать. Мою сущность надлежало растворить в сущности бесконечного. Символически это было представлено как разрушение Демиурга — творца разнообразия. После того, как он был уничтожен, мне показали образ моего истинного «Я» и то, как это «Я» исчезает, поглощенное некой девой. Так я осознал, что кульминацией моей любви к бесконечному должно стать полное отождествление с ним.

Видение пятнадцатого Эфира предстало мне в форме посвячительной церемонии. Я прошел испытание перед собранием адептов, и они подтвердили мое право на обладание всеми степенями Второго ордена. Затем мне были присвоены степени Ребенка Бездны и Мастера Храма. Дальнейшее

²³ 112-я сура Корана, «Очищение (веры)»: «Скажи: “Он — Аллах — един, Аллах, вечный; не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один” (рус. пер. И.Ю. Крачковского).

испытание я не прошел, и в праве на степень Мага мне было отказано. После этого адепты дали мне различные наставления и велели провести определенную подготовку к следующему видению.

Во второй половине дня 3 декабря я призвал четырнадцатый Эфир. Передо мной оказалась завеса, настолько черная и плотная, что пройти сквозь нее не удалось. В отчаянной борьбе я срывал с нее слой за слоем, а в ушах у меня гремел торжественный глас. Он говорил обо мне как о мертвом.

И я пробиваюсь дальше, сражаясь с темнотой. И вот земля содрогается. Завеса распадается на тысячу кусков, вихрь подхватывает их и уносит прочь. Передо мной возвышается великолепнейший ангел в знаке Апофиса и Тифона. На челе его — звезда, но вокруг него повсюду только тьма и звериные ревы. И во тьме движутся огни.

И молвит Ангел: «Ступай прочь! Ибо призывать меня надлежит лишь во тьме. Тогда я предстану и открою тебе Тайну VTA. Ибо Тайна сия велика и ужасна. И не должно говорить о ней при свете солнца»²⁴.

Следует пояснить, что по велению ангела, данному накануне ночью, мы поднялись на гору Далех-Аддин посреди пустыни. Покинув четырнадцатый Эфир, я собрался было возвращаться в город, но внезапно нам было велено подняться на вершину горы и исполнить там некую магическую церемонию. Мы выложили большой круг из камней и начертали в нем слова силы, а в центре воздвигли алтарь, на котором я принес себя в жертву. Огонь всевидящего солнца молотом обрушился на алтарь и пожрал мою личность всю целиком, до последней частицы. Повествуя о происшедшем, я вынужден прибегать к тайнописи, ибо оно связано с такими деяниями, открыто говорить о которых запрещено под страхом ужаснейшей кары; однако сказать, в чем состояла суть дела, я могу. Я цеплялся за некие понятия о правильном поведении, которые были совершенно уместны с точки зрения моей человеческой природы, но неуместны для посвящения. Я не мог пересечь Бездну, не вырвав их сперва из своего сердца.

Чтобы стало понятнее, о чем идет речь, проведем аналогию. Человек имеет полное право наслаждаться пищей, одеждой и повседневными занятиями по своему вкусу; но он не сможет забрать все это с собой в казармы, если подастся в рекруты. Плох тот солдат, который позволит себе хотя бы задуматься обо всем этом достоянии прежней жизни. Точно так же и Мастер Храма должен избавиться от малейших признаков нечистоты, ибо выше Бездны все противоположности собираются в некую единую идею. Разумеется, я понимал, что мои представления — это всего лишь мои личные предубеждения, и научился ставить их на место, действуя вопреки побуждениям, которые они во мне вызывали. Но все же оставались кое-

²⁴ 14-й Эфир.

какие вещи, которые я до сих пор не мог использовать в магии; оставались методы работы, которые мне казались несовместимыми с моими устремлениями. И вот наконец, в этот переломный момент, я подчинился моему ангелу. Я использовал для призывания моего Священного Ангела-Хранителя то самое деяние, по поводу которого больше всего боялся, что оно может внушить Ему отвращение. Я превратил самое скотское кощунство в наисвященнейший гимн. Самую постыдную идею, какую я только мог себе вообразить, я заставил послужить выражением самого возвышенного ощущения Истины, на какое я только был способен.

Как я вернулся в Бу-Сааду, я не помню. Знаю, что какое-то животное доплелось туда через пустыню, но то был не я. Исчезли все различия между вещами; все впечатления стали одинаковыми. Помню только, что я очнулся в своей постели, словно после некой катастрофы, все воспоминания о которой растворились в непроглядной тьме. Придя в себя, я понял, что изменился. Я знал, кто я такой, и помнил все события своей жизни; но я больше не был центром сферы, состоящей из этих событий, а сама эта сфера больше не была для меня мерилом вселенной. Опыт, пережитый мною в 1905 году, повторился, но в гораздо более непосредственной форме. Я не просто умозрительно признал, что меня не существует и что все мои представления суть иллюзии, бессмысленные и безумные. Я прочувствовал эти факты как данность. Прежде я знал все это лишь в теории, но теперь постиг на личном опыте. Казалось невероятным, что когда-то я мог воображать, будто хоть что-нибудь в этом мире, включая и меня самого, имеет хоть какое-то значение. Все вещи в равной мере стали как тени, скользящие по недвижной озерной глади, — и отражения их были ничто для воды и не имели силы нарушить ее покой.

Без десяти десять я вернулся в четырнадцатый Эфир. Тотчас же меня окутала тьма. Мой ангел шепнул мне тайные слова — те, что приобщают посвященного к Таинствам Мастеров Храма. И тогда я разглядел (в том, что поначалу казалось очертаниями скал) образы Мастеров, облеченных неподвижным величием, окутанных молчаньем. Все они были совершенно одинаковые. И ангел дал мне понять, к чему приведет меня мое устремление: любые силы, любые экстазы завершатся вот этим; и я его понял. Тогда он сказал мне, что отныне имя мое — Nemo²⁵, и этот Nemo восседает здесь, среди прочих безмолвных фигур, в Городе Пирамид, под покровом Ночи Пана; остальные же части моей сущности, которые я навсегда оставил ниже Бездны, должны послужить сосудом для энергий, высвободившихся в результате моего деяния. Лишившись эго, которому они повиновались до сих пор, мой разум и тело освободились и получили возможность проявляться в мире сообразно своему характеру, дабы помогать человечеству в его эволюции. В моем конкретном случае мне предстояло быть отброшенным в Сферу Юпитера. Моей смертной части предназначалось помогать человечеству посредством юпитерианской работы, то есть руководя, обучая,

²⁵ «Никто» (лат.).

творя и призывая людей к тому, чтобы они стремились стать благороднее, чище, достойнее, величественнее, добрее и великодушнее.

И, наконец, ангел молвил: «Число врат понимания — пятьдесят, число же времен их — сто шесть. И имя каждого времени — Смерть». Я принял это за пророчество о том, что по истечении указанного срока Алистер Кроули умрет. Но история показала, что речь шла о моем посвящении в степень Мага, ибо оно было достигнуто точно в предсказанное время²⁶.

В тринадцатом Эфире разъяснились труды, которые принимает на себя Мастер Храма. Он сокрыт под землей и возделывает свой сад. Сады эти бывают различны, но в любом случае Мастер Храма ухаживает за корнями произрастающих в нем цветов. Из всех цветов, кроме одного рождаются девы, и только из одного выходит ребенок мужского пола, который станет следующим Нето. Сам Нето не должен пытаться узнать, из какого цветка родится его наследник. Он должен ухаживать за всеми цветами беспристрастно.

В двенадцатом Эфире описывается Город Пирамид, царица которого — БАБАЛОН, Багряная Жена, держащая в руке своей Чашу, наполненную кровью святых. Ее экстаз питается желанием, которые Мастера Храма излили ради Нее из своих сердец. В этих символах сокрыто множество тайн. Вот лишь одна из них: если кто утаит от Чаши Ее хоть единую каплю крови, эта капля отравит ту часть его существа, что осталась ниже Бездны, и извратит весь путь продвижения адепта.

В одиннадцатом Эфире я узрел Крепость на границе Бездны и ее хранителей-воинов. Я подумал было, что на этом мои испытания завершились. Но нет! неожиданно мне дали понять, что я должен перейти через Бездну осознанно, с полным пониманием ее природы; ибо в том переходе, что свершился несколькими днями ранее, я ничего не осознавал и не воспринимал. Я не знал о ней ничего, кроме того, что она способна распылить меня в мертвый прах. Узнав, что от меня теперь требуется пересечь ее осознанно, я спросил ангела: «Неужто не будет со мною хранителя?» Я подразумевал своего Священного Ангела-Хранителя, ради Познания и Собеседования с коим я пожертвовал всем. Ответом мне было: «Элои! Элои! ламма савахфани»²⁷. И я понял, что от зловещих ужасов Бездны меня не сможет защитить даже мое самое священное, самое сокровенное «Я».

Соответственно, мы решили изменить нашу магическую процедуру. Мы отошли подальше от города, остановились в низине среди дюн и начертили Круг для защиты писца и Треугольник, в котором Бездна смогла бы проявиться в некой форме, доступной чувственному восприятию. Мы убили трех голубей, по одному на каждый угол, дабы кровь их послужила основанием, на котором силы Зла смогли бы построить себе физические тела.

²⁶ В октябре 1915 года, по истечении ста шести лунных месяцев.

²⁷ «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (др.-греч.), согласно Мк. 15:23 — последние слова Иисуса на кресте. Ср. также Пс.21:2: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?»

Имя Обитателя Бездны — Хоронзон, но не следует считать его индивидуальной сущностью. В Бездне нет сущностного бытия; она заполнена всеми мыслимыми формами, но эти формы, все без исключения, в равной степени лишены содержания и, следовательно, «злы» в единственном истинном смысле этого слова, — то есть бессмысленны, но злонамеренны в силу того, что стремятся обрести реальность. Формы эти кружатся без толку и без цели, произвольным образом сбиваясь в некие массы, как песчинки образуют пыльный вихрь²⁸; и каждое такое случайное скопление претендует на индивидуальность и вопит: «Я есмь Я!» — хотя и осознает при этом, что его компоненты в действительности никак не связаны между собой; так что при малейшем возмущении среды фантом этот рассыпается в прах, подобно тому как пыльный вихрь осыпается наземь дождем песчинок при столкновении с проезжим всадником.

Пока Хоронзон предстал перед *Omnia Vincam* в разнообразных физических обликах, я стоял поодаль, сокрыв лицо под капюшоном своей магической мантии. Меняя формы, Хоронзон явился в моем собственном образе, в виде некой женщины, в которую Нойбург был влюблен, в виде змеи с головой человека и так далее. Произнести слово Бездны он не мог, ибо такого слова не существует; все его речи — безумный бред, скопище бессмысленных восклицаний; однако в каждом своем обличье он подражал в словах и действиях тому, кого изображал. Главной его целью было выманить *O.V.* из Круга или самому прорваться в Круг, чтобы завладеть душой *O.V.* и далее жить его жизнью. *O.V.* избегнул многих ловушек, хотя и с трудом; в какой-то момент Хоронзон завел длинную речь и стал говорить очень быстро, чтобы *O.V.* сосредоточился на записывании и не заметил, как его противник бросает песок из Треугольника на границу Круга, пытаясь таким образом стереть черту. Поток непотребных богохульств, которые он изрыгал, начал было иссякать, ибо на долгое сосредоточение этот демон не способен. Речь сменилась бессвязными выкриками; но затем — возможно, выхватив эту идею из головы самого *O.V.*, — Хоронзон внезапно принялся декламировать «Тома из Бедлама»²⁹.

К этому времени он уже набросал столько песка, что в Круге образовался разрыв. Приняв облик голого дикаря, Хоронзон ринулся на *O.V.*, повалил его наземь и, истекая бешеной слюной, попытался перегрызть ему горло. *O.V.* призвал Божественные имена и ударил демона Магическим Кинжалом. Устрашенный столь отважным отпором, Хоронзон отполз обратно в Треугольник. *O.V.* восстановил Круг, а Хоронзон снова принялся осыпать его бранью, но долго не продержался. Вернувшись в обличье женщины, которую любил *O.V.*, он снова попытался соблазнить его. *O.V.* остался неприступен, и беседа приняла иной оборот. Демон пытался поколебать уверенность *O.V.* в себе, его уважение ко мне, его веру в реальность магии и так далее. Наконец, вся эта череда фантомов исчерпала

²⁸ Ср. 42-ю главу «Книги Лжей».

²⁹ «Том из Бедлама» (ок. 1600) — анонимное стихотворение о сумасшедшем, выпущенном на волю из Бедлама (знаменитого лондонского дома для умалишенных).

энергию голубиной крови до конца, и придать новую форму вызванной силе стало невозможно. Треугольник опустел.

Все это время я астрально отождествлялся с Хоронзоном и таким образом пережил все, что испытывал он, — все его мучения, все приступы ярости и отчаяния, каждую его безумную вспышку. Когда растворилась последняя форма, мое испытание завершилось; увидев, что все кончено, я начертал на песке своим Магическим Перстнем Святое Имя БАБАЛОН и вышел из транса. Мы зажгли большой костер, чтобы очистить место работы, и уничтожили Круг и Треугольник. Вся операция продлилась более двух часов, и мы оба утомились до крайности, как физически, так и во всех прочих отношениях. Не понимаю, как нам вообще хватило сил вернуться в Бу-Сааду.

Только к вечеру следующего дня я достаточно окреп, чтобы призвать девятый Эфир. Меня ожидал сюрприз. В тексте девятнадцатого Ключа содержится первородное проклятие сотворенному миру. Каждая его фраза вопиет о горестях и муках. Читая его, я всякий раз содрогался от ужаса. Но теперь, когда я перешел Бездну, узрел лицом к лицу и одолел все ее мерзости, слова этого Ключа внезапно наполнились новым смыслом, о котором я до сих пор даже не подозревал. В каждом проклятии было сокрыто благословение. Я понял, что скорбь иллюзорна; что лишь по невежеству и скудоумию своему я воображал, будто зло существует в реальности. Как только я уничтожил свою личность, как только я изгнал свое эго, стало понятно, что мир, который для него действительно был некой грозной и роковой силой, внушающей всяческий страх, являлся таковым лишь по отношению к этой идее «я»; иными словами, до тех пор, пока «я есмь я», все остальное неизбежно кажется враждебным. Теперь же, когда «я» исчезло и некому стало страдать, все идеи, прежде причинявшие страдание, стали совершенно безобидны. Теперь я мог восхвалять совершенство каждой части; теперь я мог восхищаться целым и поклоняться ему. Мое *видение* мира преобразилось до неузнаваемости. Разумеется, насладиться этой переменой в полной мере я смог не сразу. Привычные мне ошибочные представления обо всем на свете предстояло разрушать постепенно, одно за другим. Я должен был исследовать все новые возможности; я должен был претворить в золото все неблагородные металлы по очереди. Прошли годы, прежде чем у меня вошло в привычку влюбляться с первого взгляда во все, что попадется мне на пути.

В девятом Эфире это преображение было показано мне в символических картинах. Вселенная предстала передо мною как дева, как воплощенная невинность, украшенная всеми совершенствами.

Оставшиеся Эфиры отчасти дополнили опыт, относящийся к достигнутой мною степени, а отчасти предвосхитили — в странно загадочных и грозных формах — мистерии более высоких степеней или, скорее, встречи с их стражами. Добиваться видений с каждым последующим Эфиром становилось все труднее. Например, работу со вторым Эфиром, начавшуюся утром 18 декабря, пришлось прервать и повторить призывание. И даже после этого напряжение снова стало невыносимым, так что я снова

был вынужден прерваться, отправиться в бани Хаммам-Салахина³⁰ и продолжить работу там, сидя по горло в горячем серном источнике. Вода каким-то образом успокаивала нервы и позволяла иметь дело с этим Эфиром, не доходя до полного физического изнеможения. Но все равно пройти его до конца я смог лишь через два дня, на протяжении которых предавался сосредоточенному самоосвящению.

© Перевод: Анна Блейз,
www.oto.ru

³⁰ Хаммам-Салахин (от араб. «хаммам» — «горячая баня») — курортное местечко в 5 км от Бискры, известное целебными серными источниками.